

Однажды в пятницу весной 1972 года, как раз когда священник церкви Сандефьорда собирался домой, к нему пришли весьма особенные гости, так что он решил немного задержаться в своем кабинете.

Молодую женщину он никогда раньше не видел, а вот молодого человека знал очень хорошо. Это был старший сын самого популярного человека в городе, судовладельца, не только одного из богатейших людей в стране, но и ветерана церкви, благодаря пожертвованиям которого, кроме всего прочего, они десять лет назад смогли поставить большой запрестольный образ из необработанного красного дерева, созданный художником Дагфином Вереншиолдом. На образе были изображены семнадцать сцен из жизни Иисуса, и священник очень гордился этой доской.

Посетители рассказали о своем очень особенном желании. Они хотели обвенчаться так, чтобы священник сохранил это в тайне. Ничего необычного на первый взгляд, но подробности оказались настолько странными, что сначала он подумал, это какая-то шутка. Но священник хорошо знал судовладельца, знал, каким религиоз-

Самюэль Бьорк

ным и консервативным человеком был старик, и вскоре понял, что пара пришла с серьезными намерениями. Судовладелец тяжело болел в последнее время, и ходили слухи, что он при смерти. Молодой человек, сидевший перед священником, скоро получит в наследство огромное состояние, но его отец предъявил одно требование. В семью не должна примешиваться чужая кровь. Женщина, на которой наследник собирается жениться, ни в коем случае не должна иметь детей от предыдущих браков. В этом-то и была проблема. У женщины, в которую сын судовладельца был безоглядно влюблен, к сожалению, были дети. Дочка двух лет и сын четырех. Детям нужно было исчезнуть, священник должен был обвенчать пару, чтобы женщина выглядела консервативной, согласно требованию судовладельца. Возможно ли это?

План, составленный парой, был таков. У молодого человека в Австралии была дальняя родственница. Она согласилась позаботиться о детях, пока формальности не будут улажены. Через год или два детей привезут обратно. Может быть, судовладелец найдет путь на небо и раньше, кто знает? Что по этому поводу думает священник? Сможет ли он найти место в своей душе, чтобы помочь им разрешить эту ситуацию?

Священник притворился, что колеблется, но на самом деле он уже все решил. Конверт, который молодой человек деликатно положил на стол, был толст, да и почему бы не помочь нуждающейся юной паре? Требование старого судовладельца ведь такое неразумное, не правда ли? Священник согласился поженить пару, и меньше чем через неделю в закрытой церкви прошла скромная церемония перед разноцветным запрестольным образом.

Сова

Чуть меньше чем год спустя, в январе 1973 года, священник снова принял посетителей у себя в кабинете, на этот раз женщина пришла одна. Явно обеспокоенная, она рассказала, что не знала, к кому еще ей обратиться. Что-то пошло не так. Она не имела никаких сведений о детях. Ей обещали фотографии, письма, но не было ни строчки, ни слова, и она уже начала сомневаться, а существует ли вообще эта родственница в Австралии? Также женщина рассказала, что ее муж оказался не тем, кем она его считала. Они больше не разговаривали, даже спали в разных спальнях, у него были тайны, темные тайны, такие вещи, которые она была не в силах произнести вслух, едва осмеливаясь думать о них. Может ли священник что-нибудь сделать? Он успокоил ее, сказал, что, конечно же, поможет ей, все обдумает, и попросил ее прийти снова через несколько дней.

На следующее утро молодую женщину нашли мертвой за рулем ее собственной машины в глубокой канаве, прямо рядом с роскошной виллой семьи судовладельца на Вестерёйа, недалеко от центра Сандвики. Газеты намекали, что женщина села за руль в состоянии алкогольного опьянения и что полиция рассматривает дело как трагический несчастный случай.

Поддержав семейство на похоронах, священник решил навестить молодого судовладельца. Там он рассказал, что женщина приходила к нему накануне трагедии. Что она выражала беспокойство за своих детей. Что что-то пошло, хм, ну, не совсем так, как предполагалось. Молодой наследник выслушал, кивая. Затем он объяснил, что его жена была очень больна в последнее время. Сидела на лекарствах. Пила слишком много. Да, священник ведь сам видел, чем все кончилось. Потом молодой человек

Самюэль Бьорк

написал число на листочке бумаги и передал его через стол. Не слишком ли маленький этот город для священника? Не лучше ли было бы служить Господу в другом месте, может быть, поближе к столице? Через несколько минут они договорились о деталях. Священник поднялся, и больше он не видел молодого, властного судовладельца.

Пару недель спустя он собрал чемодан.

И нога его больше никогда не ступала в Сандефьорде.

Маленькая девочка лежала так тихо, как только могла, под пледом на диване и ждала, пока уснут остальные дети. Она решилась. Это должно произойти сегодня ночью. Ей больше не надо бояться. Не надо ждать. Ей семь лет, скоро она станет взрослой. Она сделает это, когда немного стемнеет. Она не приняла снотворное. Положила таблетку под язык и держала ее там все время, в том числе, когда показала тете Юлиане, какая она молодец.

— Покажи.

Она высунула язык.

— Хорошая девочка. Следующий.

Ее брат уже давно так делал. С того дня, когда они заперли его в земляном подвале. Каждый вечер он просто клал таблетку под язык, не глотая ее.

— Покажи.

Он высунул язык.

— Хороший мальчик. Следующий.

Три недели в темном подвале за то, что он не хотел просить прощения. Все дети знали, что он не сделал ничего плохого, но взрослые все равно заперли его. И с тех пор он стал другим. Каждый вечер клал таблетку под язык, не

Самюэль Бьорк

глотая. Девочка в полудреме, пока ее таблетка начинала действовать, видела его тень, выбирающуюся из комнаты и исчезающую.

Иногда ей снились сны о том, куда он уходил. Однажды во сне он был принцем, которому пришлось ехать в чужую страну, чтобы поцеловать спящую красавицу. В другой раз он был рыцарем, убившим дракона волшебным мечом, так глубоко застрявшем в камне, что только особенный мальчик мог его вытащить. Сны. Не реальность. В реальности она ничего не знала.

Маленькая девочка дождалась, пока остальные дети уснут, и осторожно прокралась к выходу из дома. Наступила зима, но по-прежнему было тепло, хотя сумерки мягко легли между деревьями. Босиком девочка прошла через двор и держалась в тени, пока не оказалась в укрытии рощи. Убедившись, что никто ее не преследует, она перебежками пустилась по дорожке между больших деревьев по направлению к воротам, надпись на которых гласила «Trespassers Prosecuted». Отсюда она решила начать поиски.*

Она слышала, как брат и один из мальчиков шептались об этом. Что в лесу есть местечко, где можно побыть одному. Старый заброшенный домик, хижина, спрятанная на самой окраине, но сама девочка никогда ее не видела. Каждый день они вставали в шесть утра и ложились спать в девять вечера. Всегда в одно и то же время, один и тот же распорядок, никаких изменений, всего два раза в день перерывы по пятнадцать минут, когда можно отвлечься от школьных занятий, домашних заданий, йоги, стирки одежды и всех остальных порученных им дел. Маленькая девочка улыбнулась, услышав стрекот сверчков, и почувс-

* Посторонним вход воспрещен (англ.).

твовала, как мягкая трава щекочет ее ступни, пока она осторожно крадется вдоль забора к тому месту, где, как она предполагала, должен находиться домик. По той или иной причине ей не было страшно, ужас придет позже, а пока она чувствовала радость, как вольная бабочка, наедине со своими мыслями в этом прекрасном лесу, где так хорошо пахнет. Она улыбнулась еще шире и дотронулась до растения, похожего на звезду, все это было почти как в одном из ее снов, который снился ей, когда таблетки оказывались не такими сильными. Она нагнулась под веткой и даже не вздрогнула, услышав шуршание в кустах. Может быть, это коала осмелилась спуститься с дерева или кенгуру перепрыгнул через забор? Девочка посмеялась про себя, подумав, как здорово было бы потрогать коалу. Она знала, что у них грубая шерсть, на самом деле совсем не ласкающая, но все же попыталась представить, как это было бы: мягкий мех между пальцев, мягкая мордочка щекочет ей шею, — и почти забыла, зачем пришла сюда. Вдруг, словно проснувшись, она остановилась как вкопанная всего в нескольких метрах от стены дома. Маленькая девочка наклонила голову набок, с любопытством рассматривая доски, так внезапно возникшие перед ней. Значит, это все-таки правда. То, о чем шептались мальчики. В лесу есть это место. Место, где можно спрятаться. Быть наедине с собой. Она осторожно прокралась к серой стене, почувствовав, как приятно покалывает под кожей, пока она подбирается к двери.

Маленькая девочка все еще не знала, что зрелище, которое ее ожидало, изменит ее навсегда, будет преследовать ее каждую ночь все последующие годы, под пледом на жестком диване, в самолете, летящем на другой конец мира, после того, как полиция заберет их оттуда, все будут плакать, под одеялом на мягкой кровати, где все зву-

Самюэль Бьорк

ки звучат иначе. Она ничего об этом не знала, поворачивая ручку и медленно открывая скрипучую дверь.

Внутри было темно. Прошло несколько секунд, прежде чем глаза привыкли к темноте и она могла нормально видеть. Не было никаких сомнений. Сначала только силуэт, а потом все более отчетливо, — это он сидел внутри.

Ее брат.

На нем не было одежды. Он был абсолютно голый. Абсолютно голый, но все его тело было покрыто... перьями? Сжавшись, он сидел в углу, похожее на птицу скрюченное существо из совсем другого мира, держа что-то во рту. Маленького зверька. Мышь? Ее брат покрыт перьями и держит во рту дохлую мышь.

Именно эта картина потом изменит ее жизнь. Брат медленно повернулся, посмотрел на нее немного удивленно, как будто не знал, кто она такая. В свете, падающем сквозь грязное окно, — медленнодвигающаяся рука, покрытая перьями, рот, скривившийся в белозубой улыбке, когда он вытащил мышь и вперился в сестру мертвым взглядом, распустил перья и сказал:

— Я сова.

1

1

Ботаник Том Петтерсон достал из машины фотосумку и не спеша наслаждался видом на зеркально гладкий фьорд перед тем, как начать путь через лес. Стоял ранний октябрь, и прохладное субботнее утро купало пейзаж вокруг в изумительном свете, мягкими лучами по осенним желтым и красным листьям, которые очень скоро опадут и уступят место зиме.

Том Петтерсон обожал свою работу. Особенно когда получалось выбраться на природу. Губернатор фюльке Осло и Акерсхюс поручил ему зарегистрировать экземпляры змееголовника Руйша, исчезающего вида, растущего в области вокруг Ослофьорда. Недавно в блог ботаника пришла новая подсказка, и сегодня он собирался ее проверить, записать количество и точную позицию обнаруженных экземпляров этого очень редкого растения.

Змееголовник — это растение десяти-пятнадцати сантиметров в высоту, с синими, темно-синими или синефиолетовыми цветами, которые засохли осенью и оставили после себя кисть коричневых плодов, напоминающую колос. Редким было не только само растение, но и блестящий жучок, живущий в змееголовнике, — малень-

Самюэль Бьорк

кий синий глянцевоый жук, питающийся цветами этого растения. Чудо природы, подумал Том Петтерсон и улыбнулся, свернув с тропинки и последовав описанию пути, которое прислал ему внимательный ботаник-любитель. Иногда — он никогда не произносил это вслух, ведь его воспитали с верой в то, что никакого Бога не существует, его родители настаивали на этом — и тем не менее, иногда он все же думал об этом. Творение. Все большое и маленькое, так прекрасно связанное между собой. Птицы улетают на юг каждую осень, чтобы высидывать птенцов, преодолевают огромные расстояния, прилетая каждый раз в одно и то же место. Листья, меняющие цвет в одно и то же время каждый год, превращая деревья и склоны в живое произведение искусства. Нет, как уже было сказано, он никогда не говорил об этом вслух, но эта мысль часто посещала его.

Том Петтерсон работал в Институте биологии при Университете Осло. Там он учился, а закончив учебу, получил предложение о работе. Прошлой осенью в коридорах шептались о месте главы института, но Том Петтерсон ничего не сделал, чтобы его получить. Глава института? Нет, административная работа не для него. Ему нравилась его должность, выезды на природу, поэтому он и стал ботаником, а не для того, чтобы сидеть на совещаниях.

Он с гордостью взял на себя задание, когда позвонили из офиса губернатора. Защитник змееголовника, да. Петтерсон согласился с большим удовольствием. Ботаник слегка улыбнулся про себя, вспомнив открытие, которое он сделал на Снарёйя несколько лет назад. Большая коллекция растений в районе миллионеров. Разумеется, это понравилось не всем, купившие участки там, где он нашел растения, больше бы хотели построить себе виллы и бас-

Сова

сейны, но змееголовник находится под защитой Бернской конвенции, и его ни в коем случае нельзя было трогать.

Том свернул направо между двух больших елей и пошел в гору к месту, где должны быть растения, снова улыбаясь про себя. Том Петтерсон был ярким защитником окружающей среды, и его радовало даже одно маленькое растение, выигравшее в борьбе с экскаватором.

Тяжело ступая вверх по склону, он вдруг остановился как вкопанный, услышав шорох в зарослях перед собой. Петтерсон приготовил камеру к снимку. Барсук? Не его ли он только что увидел? Это животное, не терпящее дневного света, совсем не такое распространенное, как многие полагают. Он пошел за звуками и скоро оказался на небольшой поляне, к своему разочарованию ничего не увидев. Ему не хватало хорошей фотографии барсука для блога, и можно было бы написать небольшой рассказ: три змееголовника и барсук, идеальная субботняя прогулка.

Посреди поляны что-то лежало.

Голубовато-белое голое тело.

Девочка.

Подросток?

Том Петтерсон подпрыгнул так, что выпустил из рук камеру и не заметил, как она упала в вереск у него под ногами.

На поляне лежала мертвая девочка.

Перья?

Бог мой.

В лесу лежала голая девочка.

Покрытая перьями.

С белой лилией во рту.

Том Петтерсон развернулся на каблуках, тяжело дыша, пробрался сквозь густые заросли, нашел тропинку, со всех ног бросился к машине и позвонил 112.